

Гу Инь принесла маковую шелуху, найденную в остатках Малатана из «Павильона Ван Юэ Лу», а также пригласила старого врача, который обычно лечил ее семью. Старый доктор уже заранее осмотрел находку и подтвердил, что это действительно маковая шелуха, опиум, в народе его называют еще «ёнцзысу» и «афурон». Оба пришли вместе, чтобы обвинить Вана Дафу в том, что он добавляет опий в еду.

Окружной судья был человеком образованным, он получил должность, сдав императорский экзамен, и в молодости он также был ученым. Он задумчиво произнес:

- Я припоминаю, что это вещество можно использовать в медицине, и во всех медицинских книгах говорится, что он нетоксичен, оказывает вяжущее действие на кишечник и легкие, и его можно применять для облегчения кашля, дизентерии и недержания.

Закончив, окружной судья снова нахмурился в попытке вспомнить:

- Что касается добавления его в пищу, в «Собрании трав» говорится, что «его можно варить в каше, смешивать с мукой из маша для создания блюд с ферментацией, что особенно хорошо». Кроме того, есть «Выбор трав», «Расширенное значение трав», «Система трав» и другие, которые классифицируют его как злаковое, как говорится в «Большом обзоре трав», «варить его с бамбуковым соком в каше, это превосходно». Так что добавление его в пищу, кажется, не является преступлением.

Если говорить о медицинских книгах, старый доктор, конечно, знал больше, чем судья, и с уважением сказал:

- Хотя это вещество и обладает лечебными свойствами, неправильное его использование может привести к бесконечным проблемам. В тех самых медицинских книгах, на которые вы ссылаетесь, также приводятся слова господина Данси - «Хотя его способность лечить болезни и быстра, убивает он как меч. Крайне важно остерегаться его!»

Когда они начали обсуждать медицинские книги, окружной судья все еще склонялся к тому, что книги не могут лгать, но, подумав о странном поведении своей жены, не знал, стоит ли верить словам Гу Инь и старого доктора.

Гу Инь стояла рядом, чувствуя себя потерянной от всего услышанного. Уловив момент молчания, она вступила в разговор:

- Может ли Ваше Превосходительство выслушать эту простолюдинку?

Окружной судья кивнул, разрешая ей говорить, и Гу Инь сказала:

- Это вещество, конечно, не вызовет немедленного отравления. Как говорится в медицинских книгах, его токсичность мала и очень незначительна. Я хочу сказать, что эта штука вызывает

привыкание. Подумайте, если какая-то пища вызывает у людей зависимость, и без нее они становятся беспокойными, не могут есть и пить, не могут наслаждаться другой пищей, не является ли это другим видом яда?

Окружной судья серьезно ответил:

- Если пища вызывает привыкание, и люди не могут контролировать себя, то, конечно, это яд.
- Тогда все проще. Я не разбираюсь в медицинских книгах, говорю только о фактах. Этот Малатан из «Павильона Ван Юэ Лу» вызывает зависимость. Конечно, слова не доказательство, мы можем провести эксперимент по отвыканию.
- Как провести эксперимент по отвыканию, о котором вы говорите?

Хотя в последнее время многие жители города Ханьшань пристрастились к Малатану с опиумом из «Павильона Ван Юэ Лу», рисковать и использовать этих людей в качестве объектов для исследования синдрома отмены было бы опрометчиво. Это наверняка привлекло бы лишнее внимание и насторожило бы окружающих. Ведь достаточно было бы уничтожить мак, и без дальнейших добавлений дело закончилось бы без каких-либо доказательств.

Даже знающий окружной судья не видит проблемы в использовании мака в пищу. По этой причине приглашение гостей для участия в эксперименте могло бы вызвать нежелательные споры. Не говоря уже о том, что, возможно, даже Ван Дафу не знает, какие из его клиентов наиболее сильно зависимы и могли бы стать объектами для исследования.

Так что Гу Инь продолжила:

- Ваше Превосходительство мог бы выбрать заключенных из тюрьмы, позволить им каждый день есть Малатан из «Павильона Ван Юэ Лу», несколько дней подряд, а затем прекратить их кормежку. Наблюдая за их реакцией, мы естественно узнаем, правда ли то, что говорит эта простолюдинка.

Окружной судья нахмурился, но не потому, что считал этот метод невозможным. Ведь одна порция этой острой похлебки, стоимостью несколько десятков монет, чуть было не опустошила скромный семейный бюджет его жены, при том, что она ела ее одна. И даже мысль о том, чтобы найти несколько человек для эксперимента, была для него непосильной. У него действительно не было капитала.

Видя его затруднение, Гу Инь догадалась о причине. Теперь она вполне могла позволить себе эти расходы, но на самом деле были и другие, более подходящие спонсоры. Тогда она сказала:

- Может быть, попросить прийти старшего мастера Бая из «Зала Ханьсян»?

Если кто и стремился разобраться с «Павильоном Ван Юэ Лу», так это опустевший «Зал Ханьсян». Эта сумма денег для них, конечно, не составляла бы никаких трудностей. И они не упустили бы такой возможности сделать это известным.

Окружной судья согласился, но прежде чем отправить стражника на поиски, он снова обратился к Гу Инь:

- Молодая леди уверена в своих словах? Если эксперимент, проведенный с таким размахом, не подтвердит ваши слова, это будет считаться клеветой.

Гу Инь кивнула:

- Наказание за клевету - тридцать ударов палкой. Я осведомлена об этом. Если это окажется ложным обвинением, я приму наказание.

В «Зале Ханьсян» старший мастер Бай просматривал бухгалтерские книги. Его голова уже распухла от бесконечных забот. Внезапно до его ушей дошла весть, что ловцы из местного ямена пришли с визитом, что заставило его сердце вздрогнуть, и он произнес про себя: «Беда не приходит одна».

Однако, узнав, что ловцы пригласили его для беседы, не вовлекая в какое-либо дело, старший мастер Бай вздохнул с облегчением.

Но его ресторан переживал непростые времена, он вместе с бухгалтером и управляющим обдумывал пути преодоления убытков, поэтому, не имея возможности разорваться на части, он отправил на встречу Бай Цыси, который как раз наслаждался чаем в ресторане. Хотя семья второй ветви и не участвовала в управлении «Ханьсян», половина доходов шла именно им. Бай Цыси, будучи единственным сыном второго брата, естественно, считался тем, кто может принимать решения.

Ловцы отвели Бая Цыси обратно в ямен. При встрече с окружным судьей Бай Цыси, естественно, представился.

- Этот простолюдин Бай Цыси приветствует Ваше Превосходительство. Не мог бы я узнать, по какой причине меня вызвали?

Окружной судья попросил Гу Инь рассказать Бай Цыси обо всех деталях дела.

Они были знакомы, но не ожидали встречи именно здесь, в ямене. Хотя Гу Инь была удивлена его статусом, на ее лице ничего не отразилось, и она кратко объяснила причину вызова.

Лицо Бая Цыси покраснело от стыда: изначально, посещая «Пищу небес», он хотел разведать информацию о враге, но после наставлений отца понял, насколько глупо поступил, и больше не

появлялся там. Он надеялся, что все это останется в прошлом, особенно после того, как он случайно забрел в «Пищу небес» и попробовал там кашу Лаба, рассчитывая, что Гу Инь не узнает его настоящего статуса, чтобы избежать неловкости. Но теперь, стоя лицом к лицу, он хотел бы выкопать яму и зарыться в ней.

Однако, услышав все от Гу Инь, Бай Цыси уже не заботился о собственной неловкости, гневно заявив:

- Этот Малатан из «Ван Юэ Лу» я купил не менее десяти раз, раз за разом пытаюсь понять, в чем его изюминка! Кто бы мог подумать, что в него добавляют вещество, вызывающее зависимость!

Хотя эксперимент еще не был проведен, Бай Цыси уже поверил словам Гу Инь. Не раздумывая, он предложил пятьдесят лян серебра из своего кошелька, желая поддержать проведение этого эксперимента.

Гу Инь не нужно было беспокоиться о том, что будет дальше. Окружной судья был строг и решителен: он немедленно выбрал в тюрьме нескольких заключенных, совершивших тяжкие преступления и нарушения. Разумеется, эксперимент не проводился даром: участвующие получали дополнительную выплату в два лян серебра на нужды семьи. У всех заключенных были семьи на воле, и поскольку эксперимент не угрожал их жизни, все соглашались.

Затем заключенным трижды в день подавали Малатан из ресторана «Ван Юэ Лу». Те, чье телосложение было слабее, после первого приема пищи тут же начинали испытывать необычные симптомы - не дожидаясь следующего приема пищи, они уже судорожно жаждали его. У тех, кто был крепче, привыкание наступало позже, но и они становились зависимыми после нескольких приемов пищи.

Через десять дней окружной судья заменил Малатан на другую вкусную пищу. Но эти люди реагировали одинаково — они не могли принять ни одного куска другой пищи. Слабосильные заключенные не только чувствовали себя не на месте, теряя аппетит, но и впадали в истерику с потоком слез!

...

Бизнес «Ван Юэ Лу» процветал: за месяц доход увеличился на несколько сотен лян серебра. Ван Дафу, подсчитывая прибыль последних дней, был на седьмом небе от счастья. Но он понимал, что это не решение на долгий срок, и уже планировал, что после Нового года он уберет приправы и будет продавать их только зимой, чтобы никто не знал.

Вдруг помощник сообщил, что на кухне снова закончилась основа для супа. Ван Дафу в одиночку готовил основу для супа, поэтому он кивнул в знак согласия и, закатав рукава, отправился на кухню. Выгнав всех поваров, он достал из-под печи маленький узелок и высыпал его содержимое в котел. Бульон должен был вариться час, и Ван Дафу не отходил от котла, пока не убедился, что вкус достаточен. Затем он взял шумовку, чтобы вынуть содержимое, и

добавил перец чили и другие приправы с сильным ароматом.

В это время за его спиной внезапно раздался голос:

- Что ты добавляешь?

Ван Дафу пришел в ярость и сказал:

- Разве я не говорил, что никому не разрешается входить, пока я готовлю основу для супа?

Закончив говорить, он обернулся и увидел Ли-бутоу, который, положив руку на свой меч, легко и непринужденно наблюдал за ним. Ван Дафу был так потрясен, что его руки задрожали, и шумовка упала прямо в котел.

В то же время на руки Вана Дафу надели кандалы.

Отряд арестантов, выстроившись в линию, вышел из здания «Ван Юэ Лу», создав великолепное зрелище. В городке развлечений было немного, но люди все еще помнили прошлые события! Еще не дождавшись прибытия Вана Дафу в суд, слухи распространились настолько широко, что люди, пришедшие посмотреть на это, снова заблокировали двери ямена.

Окружной судья поднялся на трибуну для допроса. Ли-бутоу был свидетелем, а физическим доказательством служил бульон, принесенный с места происшествия, оба свидетельства были налицо, не оставляя Вану Дафу ни малейшей возможности отрицать обвинения.

Ван Дафу даже не собирался отрицать, он начал цитировать медицинские трактаты и ссылаться на авторитетов, утверждая, что мак можно использовать в медицине, так почему же его нельзя употреблять в пищу?

Окружной судья, услышав его аргументацию, не мог удержаться от смеха:

- Получается, ты с добрыми намерениями добавлял этот мак в еду по цене обычной пищи?

Ван Дафу поспешил ответить «не смею», и добавил:

- Только ведь этот продукт, используемый как приправа, чрезвычайно вкусен, и в медицинских книгах также говорится, что его можно использовать для варки каши. Этот простолюдин не понимает, какое преступление совершил.

Этот мак он купил за большие деньги в уездном городе. Перед покупкой он все тщательно изучил: в это время не было запрета на использование мака в медицине или пище, поэтому он

и осмелился добавлять его в больших количествах в свои блюда. Что касается зависимости от мака, о которой ему говорили продавцы, для Вана Дафу это не было серьезной проблемой – ведь от алкоголя тоже бывает зависимость, но почему империя не объявляет алкоголь запрещенным продуктом? В конце концов, если не продавать его круглый год, проблем не будет!

Если бы не эксперимент, предложенный Гу Инь, судить было бы действительно непросто.

Окружной судья не стал много разговаривать, и сразу приказал привести нескольких заключенных. Они не ели Малатан из «Ван Юэ Лу» уже два или три дня. Вся другая еда казалась им невкусной, поэтому они сильно похудели и выглядели вялыми.

После того как их привели в зал суда, несколько человек почувствовали знакомый запах и уставились на кастрюлю с острой и ароматной основой для супа, которая служила уликой. Их глаза засверкали зеленым светом, подобно голодным волкам. Самый тяжело больной из заключенных даже сумел освободиться от стражи и, бросившись к котлу с бульоном, начал жадно его пить. После нескольких глотков он слабо упал на землю, его лицо излучало блаженство и расслабленность.

Когда окружной судья обнародовал процесс эксперимента перед присутствующими, все они побледнели от страха.

- Проклятье, этот ресторан «Ван Юэ Лу», как они могли заниматься такими мерзкими делами!

- Вот именно! Я всегда говорил нашему хозяину, что люди из «Ван Юэ Лу» коварны и их еду лучше не есть! Но мой хозяин утверждал, что прошлые инциденты были делом рук подчиненных, и те, кто в этом виноват, уже заключены под стражу, а репутация ресторана «Ван Юэ Лу», мол, все еще достойна доверия. Но он уже несколько дней подряд ест их Малатан... Неужели, если продолжит, превратится в такого же, как тот заключенный в зале суда?

- Боже, если это случится, то без этой еды человек будет уже не человек, но и не призрак. Какое наказание!

Люди были возмущены, и окружной судья для восстановления порядка ударил по столу и потребовал тишины, а затем приказал вызвать свидетелей для дачи показаний.

Теперь всем стало известно, что чрезмерное употребление опиума приводит к такому же безумию, как у упомянутого заключенного, и никто уже не заботился о сохранении достоинства, лишь о том, чтобы окружной судья встал на их сторону. Как Гу Инь и предполагала ранее, большинство людей страдали лишь легкими симптомами, как это было у Сун Шилю - они не могли думать ни о чем, кроме еды из «Ван Юэ Лу». Однако были и те, кто заболел серьезно, в том числе в одной богатой семье, где молодой наследник и так был слаб здоровьем. Этот молодой господин начал есть Малатан из «Ван Юэ Лу» с наступлением зимы и со временем стал то впадать в ярость, то чувствовать депрессию. Домашние вызвали

множество докторов, но никто не смог поставить диагноз, и тем более никто не подозревал «Ван Юэ Лу» - ведь многие ели их блюда и ни у кого не было подобных проблем.

Только когда симптомы совпали с теми, что были у заключенного из эксперимента, семья поняла, что попала под влияние «Ван Юэ Лу», и привела молодого господина в суд, чтобы обвинить во всем Вана Дафу.

Этот случай оказался более серьезным, чем простая продажа кухонных отходов, особенно после того, как окружной судья установил, что опиум Ван Дафу купил в столице округа. Никто уже не осмеливался принимать это легкомысленно, Ван Дафу был немедленно арестован, а дело передано на более высокий уровень.

Всего через пару дней из города пришли люди. Излишне говорить, что они, конечно, пришли, чтобы урвать часть славы. Окружной судья и глава патруля снова посадили Вана Дафу на телегу для заключенных, готовясь отправить его на суд.

Услышав, что его снова отправляют в столицу округа, Ван Дафу был ошеломлен, вся его прежняя бравада, демонстрировавшаяся в зале суда, исчезла. Он понял, что на этот раз, даже если и выживет, все равно потеряет немало кожи. Он стал послушным, как перепел, и по дороге начал заранее заучивать свои показания.

Перед их отъездом Гу Инь стала настоящей «матерью-тигрицей», закрыв Гу Е в ресторане, боясь, что он незаметно снова отправится в Фучэн. Гу Е был в отчаянии, обещая:

- В Фучэне я уже был, там неинтересно, я правда больше не пойду.

Но Гу Инь не обращала внимания на его слова, в любом случае, она хотела привязать его к своему поясу на два дня. Но хотя Гу Е и не пошел, другие жители, страдающие от опия, отправились в город, чтобы узнать новости.

Через пару дней новость вернулась в Ханьшань — стиль рассмотрения дела префектом Фучэна, как всегда, был грубым: он заключил Вана Дафу в большую тюрьму города, конфисковал все его имущество и арестовал всех, кто продал ему пряности, а также доложил об этом деле на высший уровень, четко заявив, что употребление опия вызывает зависимость и вредит здоровью. Что касается дальнейшей судьбы Вана Дафу, то это зависело от приказа свыше.

Хотя дело казалось небольшим, на самом деле оно вывело на первый план вопрос об опасности употребления опия. Слава, конечно, досталась префекту, но окружной судья тоже не был недоволен, думая, что если вся страна узнает о великой опасности употребления опия, это принесет пользу будущим поколениям.

Окружной судья не стремился к личной славе, но на этот раз он специально просил наградить Гу Инь. Префект, пробывший в коридорах власти многие годы, хотя и стремился к славе, знал, что нельзя есть мясо в одиночку, не делясь с другими даже супом. Окружной судья уступал

ему славу уже во второй раз, так что он согласился на эту услугу.

Узнав о предстоящих новостях, Ван-ши с горечью в сердце кричала на весь дом, словно чувствуя физическую боль. Имущество Вана Дафу было конфисковано, а ей так и не удалось вернуть сто пятьдесят лян серебра, которые ей причитались! Столь значительная сумма! Несмотря на то, что у нее был свой ресторан, Ван-ши тосковала по ночам, не находя себе места от боли утраты.

Однако эта тяжесть не длилась долго, поскольку двадцатого числа последнего месяца зимы окружной судья и глава патруля Гуань вернулись в город. Они привезли с собой вывеску, на которой лично префектом были выписаны слова «Героическое сердце, благородная душа», в знак признания заслуг Гу Инь, которая вновь проявила изобретательность и отстаивала правду во имя других. Гу Инь предложила план не из-за личной заинтересованности в деле, а потому что не могла мириться с несправедливостью, увидев злодеяния Вана Дафу.

Но не только вывеска стала наградой. Префект также передал Гу Инь старинный особняк семейства Ван.

Ранее этот особняк принадлежал первой и второй ветвям семьи Ван, но после скандала, в который были вовлечены Ван Дагуй и Цзоу-ши, имущество второй ветви было конфисковано. Опозоренные люди из второй ветви покинули город Ханьшань, продав свою долю особняка Вану Дафу за серебро, чтобы начать новую жизнь в другом месте.

Таким образом, особняк уже принадлежал Вану Дафу, но окружной судья, желая поощрить Гу Инь, уговорил префекта. Последний, не желая отдавать что-то действительно ценное, решил передать особняк Гу Инь, так как здание, хоть и величественное, было старым и непремещаемым, а его конфискация не имела для него большого значения.

Для Ван-ши это стало великим известием, ведь особняк, являвшийся родовым поместьем ее материнской семьи, возвращался к ней, что вызвало больше радости, чем любое количество серебра. Позже окружной судья распорядился, чтобы Гу Инь и Ван-ши оформили документы на недвижимость. Занятая делами своего ресторана – после исчезновения «Ван Юэ Лу» дела пошли в гору, так как клиенты были полны благодарности за ее благородный поступок – Гу Инь не смогла разделить на двоих и отправила Ван-ши одну. Вскоре Ван-ши вернулась, передав Гу Инь земельные и домовые документы для хранения. Гу Инь не рассматривала их подробно до вечера. После возвращения домой, совершив вечерние процедуры, она вспомнила о документах. Открыв их, обнаружила несоответствие: владельцем старого особняка в документах значилась не Ван-ши, а она сама!

Она немедленно отправилась к свекрови, которая занималась домашними делами в компании Сун Шилю. С наступлением нового года требовалось тщательно убрать дом, как внутри, так и снаружи. Увидев, что Гу Инь пришла к ней, Ван-ши, не давая ей открыть рот, непрерывно заговорила:

- Хотя этот дом и является собственностью моих родителей, после того как он был конфискован

и передан во владение государства, префект подарил его тебе, так что естественно, он становится твоим. К тому же мы - одна семья, зачем нам разделяться на две? Разве ты, став хозяйкой, не позволишь мне там жить?

- Этого, конечно, не будет, - Гу Инь взяла Ван-ши за руку и легонько покачала, - Просто мне кажется, что этот дом имеет для мамы большее значение, чем для меня.

- Действительно, имеет значение, ведь это место, где я выросла. Но я все же повторяю: какая разница, твое или мое?

Говоря это, она вдруг засмеялась:

- И к тому же, сегодня я уже сходила туда, дом все еще разделен стенами между главным и второстепенным жилищами, и эти перегородки еще не снесены. Ты представляешь, в будущем ты выйдешь замуж, мы закроем дверь, и у нас будет и личное пространство, и мы все еще будем одной семьей, разве это не замечательно? Мама обещала купить тебе ресторан, а пока ресторана нет, есть большой дом, кто теперь осмелится тобой пренебречь?

Гу Инь: «...»

Ну, теперь она знала, что делать, - сначала ей нужно сломать перегородку в старом доме Ван.

На следующий день Гу Инь взяла с собой управляющего Чжоу и пошла в старый дом. Служащие городской управы уже приходили сюда, и все ценные вещи были изъяты, остались только основные предметы мебели, такие как столы и стулья. Гу Инь все осмотрела и попросила управляющего Чжоу связаться с людьми, чтобы они помогли с ремонтом.

Тем же вечером окружной судья вновь пригласил Гу Инь в ямен, говоря, что хочет наградить ее. Гу Инь отказалась:

- Я уже получила уважение от господина префекта и такой большой дом. Я действительно не могу просить о чем-то еще.

Окружной судья кашлянул, сжимая кулак, и сказал:

- Все это было подарено вам префектом, а я еще не наградил вас.

Из рук префекта выпал большой особняк с рыночной ценой в несколько сотен лян, в то время как окружной судья был без гроша в кармане. С точки зрения богатства, он был не так хорош, как нынешняя Гу Инь, и, конечно же, был не в состоянии соперничать с префектом.

Он долгое время размышлял, а затем сказал:

- А что, если поступить так: пусть в следующем году право вести официальное питание будет разыграно между вашим рестораном и семьей Бай из ресторана «Ханьсян»?

Закончив говорить, окружной судья почувствовал неловкость, ведь у него действительно не было других подарков, достойных внимания.

Гу Инь была озадачена. Глава патруля Гуань объяснил ей, что так называемый официальный ресторан был приравнен к ресторану, учрежденному семьей чиновника в сотрудничестве с императорским двором. Если приезжали люди из императорского двора, окружной судья отправлялся в этот ресторан, чтобы угостить их. В город Ханьшань приезжало не так много людей с высоким статусом, так что, по сути, в таком гостеприимстве не было необходимости. Но было и еще одно важное преимущество. Рестораны, которые сотрудничали с императорским двором и принимали чиновников, должны были платить меньше налогов.

Конечно, каждый желает такой выгоды, но существуют определенные условия: ресторан должен успешно работать многие годы, иметь отличную репутацию и гарантировать качество. В прошлые годы среди ресторанов Ханьшаня официальным питанием занимались только «Ханьсян» и «Ван Юэ Лу».

В этом году «Ван Юэ Лу» закрылся, и окружной судья предложил «Пище небес» и «Залу Ханьсян» бороться за это место.

Услышав это, глаза Гу Инь загорелись. Когда она только открыла свой ресторан, налоги империи были в пределах ее возможностей, но за последние полгода, как говорят, из-за обострения военных действий налоги повышались снова и снова, до тех пор, пока в прошлом месяце по новым правилам империи им не пришлось отдать десять лян налогов!

Она и управляющий Чжоу втайне только и делали, что вздыхали по этому поводу. Предложение окружного судьи было словно подушка для спящего, куда приятнее, чем просто получить несколько десятков серебряных лян!

Дни кулинарного состязания назначены на преддверие Нового года, когда окружной судья пригласит всех богачей и почетных граждан округа на дегустацию.

Вернувшись в «Пищу небес», Гу Инь немедленно объявила эту радостную весть. Хотя окружной судья предоставил лишь одну возможность, с учетом того, что за белую кухню отвечала она сама, а за красную — управляющий Чжоу, поражение казалось маловероятным.

Осталось только решить, какие блюда они будут готовить.

У управляющего Чжоу были свои фирменные блюда, и он уже конкурировал за это место от имени «Ван Юэ Лу», но Гу Инь не могла сразу решить, что же приготовить. Ее конек, конечно, был в том, чтобы томить кондже и варить супы, но, когда речь заходила о каком-то особом рецепте, она не могла ничего придумать.

В этот день, когда заканчивалась вечерняя смена, Гу Инь вместе с помощниками убирала столы и стулья и вдруг увидела через окно знакомую фигуру. Бай Цзыси колебался у входа в «Пищу небес» целый час, в его голове шла настоящая битва между желаниями. То он собирался войти, то решал уйти, но после нескольких шагов возвращался обратно. В итоге он все же оставил на подоконнике сверток, а затем, словно боясь передумать, поспешно ушел.

Гу Инь, полная удивления, раскрыла сверток и увидела на нем надпись: «Эксклюзивные приправы от «Зала Ханьсян».

Давно ходили слухи, что «Зал Ханьсян» экспериментирует с какими-то заморскими специями, а после скандала с опиумом в «Ван Юэ Лу», она и управляющий Чжоу стали особенно настороженно относиться к приправам.

- Этот младший наследник семьи Бай, видимо, опасается, что их специи недоброкачественны и что победа, добытая с их помощью, не будет честной. Поэтому он решил заранее предупредить нас, отправив эти приправы. Но даже если бы он не пришел, я все равно собирался достать их для вас, — рассудил управляющий Чжоу.

Гу Инь с серьезным выражением лица кивнула в ответ.

Словно на войне, они вдвоем развернули сверток, и увидели внутри белые как снег кристаллические гранулы. Гу Инь попробовала немного — черт возьми, это же глутамат натрия!

<http://tl.rulate.ru/book/79306/3770065>